

Медитация Трейя

Вероятно, схожие трейлеры архивированы в генах всякого человека и распаковываются при пробуждении от духовного сна.

29-летний Трейя так долго стоял посреди спальни с плотно зашторенными от полуденного малагасийского солнца окнами, что потерял ощущение пространства и времени. Накануне у него было предчувствие значимой встречи, которая должна была состояться в этот погожий декабрьский день 1991 года прямо в доме, где он ночевал.

Решив проверить участвовавшие после пересечения экватора предвидения и вывести-таки на чистую воду внутренний голос, спонтанно осваивающий духовные практики, недавний материалист из Совка дал слово не сойти с этого места, пока или встреча не состоится, или кондовая логика, служившая худо-бедно по жизни, не приструнит распоясавшуюся интуицию, одурманенную колдовским Мадагаскаром.

Ожидание затянулось. Улетучились, будучи передуманы, отголоски навязчивых мыслей. Редкие звуки с выметенной жарой улицы едва долетали до комнаты для гостей, расположенной при входе в углу арендованной виллы на окраине Анантанариву, где бродягу приютили сердобольные соотечественники.

В какой-то момент неприметного погружения в прострацию силу проникающего в помещение света будто плавно свело на нет реостатом.

Взгляд недвижимого столпника, исподволь превратившегося в стороннего наблюдателя, застыл на туманной инфракрасной завесе, таинственно разделившей миры, внешний и внутренний.

Впоследствии, прокручивая в памяти единственную в своей жизни каноническую медитацию, Трейя не переставал изумляться, насколько её начало было схоже по ощущениям со входом в зрительный зал комфортабельного кинотеатра.

Приглушенный свет в кинозале мягко угас, как только он удобно устроился в обитом бархатом кресле, оперевшись локтями о его широкие лакированные подлокотники.

Одновременно с этим развернутый в глубине сцены сумеречно белый экран скрылся за автоматически сведёнными воедино массивными тёмно-багровыми шторами.

Мгновение перед последующим калейдоскопом событий легко могло оказаться вечностью, настолько вовлечённый в приготовление к действию зритель самозабвенно в нём растворился, утратив связь с собственным телом.

Беспросветная тьма поглотила **монаду** живого сознания, которым в духе стал Трейя.

Со всех сторон его окружало несметное число схожих с ним созерцателей: бесплотных одухотворенных монад, о присутствии которых он мог лишь догадываться.

Немыслимое давление в безвременье затянувшей их Чёрной Дыры спрессовало их всех в одну безмерную точку.

Внезапно мрак Небытия разорвался ослепительной Вспышкой; шторы, облекшие объёмный экран, раздёрнулись в разные стороны: бизонье стадо монад, превратившихся в кванты света по мановению палочки дирижера по имени Время, выплеснулось на свободу.

Новая галактика родилась.

Последующие голографические эпизоды галактической эволюции этого, разве что немного, 3d кинотеатра воспринимались соучаствующей в них монадой стороннего наблюдателя Трейя всеми фибрами ... череды сменяемых ей оболочек.

Буйство сполохов света, соткавших оргию Вспышки, было сродни начальному Хаосу. Вскоре турбулентные вихри сменились ламинарным течением, распространяющим во все стороны от эпицентра Большого Взрыва сферическую волну интенсивного светового потока.

В одном из направлений растущей галактики, свыкшись с умопомрачительной скоростью света, скользило сознание Трейи.

Когда горки бесконечной волновой траектории укачали в сон Трейю, световой поток стал настолько разрежен, что расплылся на исполинские облака, приобретшие впоследствии форму шаров различных размеров.

В поверхностном слое суспензии одной из планет среди свергнувшихся с гребней световых волн уплотнённых корпускул монада Трейи, то, чем он впоследствии осознавал себя при всяких земных переменах, приняла форму **протоатома** духа.

Ощутимо увеличивая плотность, планетарное облако уменьшалось в объёме.

Когда световая туманность сгустилась до взвеси сродной на ощупь с сухим молоком, духовные протоатомы стали обрастать минеральной корой.

Со временем безбрежная земная поверхность сплошь покрылась мелким песком, среди которого выделялся камень размером с кулак. То был панцирь протоатома Трейи, укрывавший его от смены пекла, когда на небосклоне появлялось юное солнце, и стужи, когда его огромный ослепительный лик скрывался за горизонтом.

Устоявшаяся смена положения на небе светила действовала гипнотически.

Постепенно Трейя, воспринимавший происходящее вовне камня посредством имеющихся у того подобия органов чувств, стал впадать в дремоту.

Отчасти утрата интереса к окружающему была обусловлена сопоставлением недвижимого пребывания в камне с динамичным процессом прободения Чёрной Дыры и галопом в табуне первозданных частиц, без оглядки бежавших из небытийного плена.

На периферии сознания Трейя различил появление чужеродной фигуры в тёмных доспехах с рогами на шлеме. Змейки разрядов стекали с защитной брони прищельца явно не из этого пространственно-временного континуума, что-то высматривающего под ногами.

Для удивления нужно было большее время, чем потребовалось невесть откуда взявшемуся существу, чтобы приблизиться к камню Трейи, приметив его среди барханов пустыни.

Бросив на булыжник пронзительный взгляд, ожёгший Трейю сквозь каменный панцирь, чёрный рыцарь приподнял левую ногу и резким ударом твердой подошвы разворотил его на две половины.

Пылинку протоатома Трейи стряхнуло при этом со среза, и она провалилась в катакомбы песка, прервав падение глубоко под землю.

С потерей казавшейся такой прочной каменной оболочки, очутившись в крошечной тьме и лишенный всяческих ощущений, дух Трейи впал в забвение на зоны времен.

Пробуждение Трейи было не из приятных.

Вызволяя из недр, ток почвенной влаги повлёк его наверх, обдирая остатки каменной кожи о шершавые волокна извилистого капилляра.

На излёте движения очищенный от минеральной шелухи протоатом попал в ткань листа на нижней веточке дерева, выросшего к тому времени на неузнаваемо изменившейся планете.

В структуре своего нового земного пристанища Трейя постигал явления природы.

Он видел фрагменты ближайших деревьев и ощущал, как они общаются между собой, оповещая соседей обо всех лесных новостях.

Каждое утро радостным гулом окраинные стражи сообщали стоящим за ними собратьям о первых лучах восходящего солнца. Флюгерками веток дерева указывали направление ветра, реверансом листьев выражали благодарность дождю.

Но однажды по лесу прошелестел трепет испуга, сопровождаемый вздохами боли. Вскоре в зону видимости то ли пленника, то ли постояльца юдоли друида попало стадо оленей.

Статный самец, за которым следовали важенки с молодняком, вздумал сдобрить древесными специями свой травяной рацион. Встав на задние ноги, оперевшись передней левой о ствол, вожак полоснул сведёнными челюстями по той ветке дерева, на которой ни жив ни мёртв замер Трейя.

Дрожью забился протоатом Трейи в унисон с приютившим его листом, когда на них надвинулся глаз оленя, скошенный вправо.

Слегка прожевав ободранные листья с корой, олень направил их языком в грот пищевода, а тот, волнообразно сжимаясь, протолкнул измятую массу в горячее брюхо.

Темнота волчьей сыпью хлюпала в травяном мешке в такт движению оленя. Когда стадо остановилось на днёвку, Трейю со жмыхом вновь вытолкнуло в ротовую полость оленя, где уплотнённая пища была неторопливо разжёвана, и на этот раз, трижды продавленная внутри двухвостой змеи пищевода, она провалилась в эластичную реторту желудка.

Ворсинки стенок желудка высосали протоатом Трейи из измочаленной клетки листочка. Ток крови промчал его по всему телу оленя, доставив в область мошонки. Откуда, оседлав семя оленьего рода, дух Трейи стал наблюдать окружающий мир посредством органов чувств своего возникшего о рогах и копытах.

Вереницей рассветов пролетело лето. Туманной поступью прошелестела осень. Снег укрыл лес, где обитало стадо оленей.

В один из заиндевелых дней наступившей зимы Трейя стал соглядатаем того, как вожак стада отстаивает своё право на продолжение рода. Морда к морде, сцепившись рогами, бодались олени в кругу, за периметром которого расставила задние ноги готовая к соитию самка. Прогнав соперника, вожак трубно взревел и вернулся на её возбуждающий запах.

Последним ощущением Трейи в теле самца было победное обладание томной рефери схватки, после чего мощным потоком секретов его выплеснуло внутрь её живота.

В темноте питательной колбы, матки важенки, с протоатомом Трейи стало происходить что-то весьма необычное: он делился и рос вместе со своим на этот раз собственным телом.

Период роста внутри просторного живота будущей матери закончился лёгкими родами.

Лишь только опробовав ноги, новорождённый олень инстинктивно потянулся губами к материнскому вымени...

Вновь зеленела трава на земле. Свежей листвой были покрыты деревья. Жизнь в лесу продолжалась, но теперь с ещё более яркими впечатлениями от возросших возможностей.

Лес, дававший пищу и кров, был Трейе, ставшим за пару лет грациозным оленем, ареной для изучения животного тела. В нём же впервые он испытал таинство *развоплощения*; уж лучше ввести в обиход *новое слово*, чем называть смертью магический акт возврата нетленного духа в бесплотное состояние.

Это случилось, когда встревоженное чужаками стадо оленей в панике заметалось по лесу.

Трейя в прыжке встретился через прицел глаз с глазом охотника, стоявшего наизготовку в засаде за деревом. Вспышка огня, и ... пуля пронзила сердце лесного красавца.

Молодой олень совершил кульбит через голову и бездыханный свалился на землю. В тот же миг будто грибница эфирных волокон стянулась в точку где-то в районе правой грудины, вернув дух Трейи в исходный сосуд протоатома.

Развоплощённый сгусток жизни отрешённо следил, как охотники свежевали его мёртвую тушу, пока ту её часть, в которой он затерялся, не швырнули в склизкий от крови мешок, ограничивший ему кругозор.

После непродолжительной тряски мглу мешка сменил застеклённый прилавок, куда расчленённую плоть вкупе с живым духом выставили на продажу. Здесь в медитацию был вмонтирован интерьер московского магазина «Дары Природы» на Сретенке, куда будущий мистик заглянул ненароком в студенчестве. Сквозь лежащие за стеклом холодильника куски дичи Трейя видел крашеную входную дверь узкого зала, залоснённую витрину на улице и стоптанный кафельный пол.

Дверь распахнулась, и в сумрак полуподвала парой ступенек сошёл покупатель. Указав на приглянувшуюся часть грудины, мужчина обменялся раскрашенными листками и тусклыми кругляками с женщиной в белом халате, взвесившей на весах натуральный товар, ничтожным довеском к которому был взрастивший его протоатом.

При всём желании Трейя не запомнил бы путь к дому нового собственника остатков своего бывшего тела, изъятых из плотного пакета женой покупателя на их маленькой кухне. Порезав и обжарив дичь на сковороде, женщина разложила еду по тарелкам. Супружеская пара села обедать.

Кусок мяса с несусветно древним коlobком протоатома попал в рот мужчины. Жернова челюстей основательно пережевали жаркое, и в водопаде слюны протоатом с лоскутами былой оболочки был низвергнут по пищеводу в желудок. Ток крови, как и в эпизоде с оленем, переместил его из кишечника внутрь вегетативной системы, откуда дух Трейи стал видеть и ощущать окружающий мир глазами и телом своего нового властелина.

Запомнилась статичная поза, которую занял мужчина, устроившись на упругом седалище с упорами для локтей, периодически переворачивая сложенную вдвое стопку из нескольких блеклых больших лопухов, испещрённых рядами застывших в причудливых позах высохших насекомых, в то время как женщина неизвестно чем занималась на кухне.

Непродолжительным оказалось новое прибежище Трейи, а ведь он только начал привыкать к полумраку рукотворной среды обитания, постепенно принаравливаясь к неестественным движениям поглотившего его мясоеда, предоставившего ему в неосознанный дар все свои органы чувств за исключением слуха.

В ту же ночь мужчина вошел к женщине и, будто поклоны отвешивающее насекомое, стал над нею раскачиваться, от чего его дыхание участилось, а лицо и шея закрывшей глаза истукана покрылись красными пятнами.

В момент наивысшего удовольствия струя живительной жидкости подхватила протоатом Трейи и выплеснула в изнемогающее от конвульсий лоно очередной его созидательницы.

Начался знакомый процесс деления протоатома в границах растущего тела.

Запомнилось, как же тесно было в животе человеческой матери по сравнению с важенкой, и как же долго там пестовалось существо, едва подготовленное к самостоятельной жизни.

А выход через узкий родовой проход был сушей пыткой для появившегося на операционном столе беспомощного человечка...

Несколько лет прошло в приготовлении к мало-мальски независимой жизни.

Форсировано промелькнули кадры с забавами в яслях и играми в детском саду. ...
И вот уже Трейя надевает школьную форму.

Однажды утром он вышел из дома и походя засмотрелся на макушку чинара, растущего по пути к его школе.

Вдруг в глазах у школьника потемнело, и он вновь очутился в голографическом кинотеатре, где ещё раз просмотрел весь изложенный фильм (своего рода медитация в медитации) от начала и до взгляда на вершину пирамидального дерева, указующую в небо треугольным курсором.

«Для чего это всё?» – с удивлением подумал застывший на полпути юный школьник.

Синхронно пришедшей в голову мысли в просветах венца гигантского дерева блеснул ультрафиолетовый глаз Охотника на людей, дождавшегося добычу.

В тот же миг грибница эфирных волокон стянулась изо всех частей тела подростка, собравшись в протоатом в его голове.

Молнией ниспосланной мысли развоплотив *протоатом*, укутавшийся плотью мальчонки, Небесный Охотник вытянул из *него монаду* чистого духа, направив её из темени школьника в наполненный дивным светом тоннель.

Вознесение в этом портале к новой метаморфозе происходило без каких-либо физических ощущений.

Круглый выход закрывала мембрана, крестообразно рассеченная от края до края на четыре равных сегмента.

Сдвинувшись против часовой стрелки, створки мембраны втянулись в боковые стенки тоннеля при полете к ней Трейи, осенив его левосторонней Свастикой: руной приветствия возвращению [с того] Света.

В пустоте за мембраной парил совершенный Кристалл голубоватого цвета, ось которого была наведена на центр креста защитной мембраны.

Облетающей Кристалл монаде телепатически дали понять, что если бы ей не было позволено очутиться в этом пространстве, то луч фронтального острия кристаллической пушки тотчас испепелил бы её.

Влетев с тыла внутрь грозной лазерной установки, Трейя попал в один из атомарных узлов объёмной решетки Кристалла, словно предназначенный для него.

Вовне и внутри нового хранилища духа Трейи переливалась сиятельная Благодать.

Трейя понял, что оказался в Нирване, краеугольным камнем которой служил принявший его в свое лоно многофункциональный Кристалл.

Забавным показалось чувство защищенности, которое он испытывал в булыжнике на Земле по сравнению с состоянием всеобъемлющей эйфории в Кристалле...

Отринув всё, что связывало его с прошлым, Трейя слился во вневременном апофеозе безпредельного Счастья с блистательным сонмом обитающих в Кристалле духовных монад.

... ..

– Что ты хочешь? – не сразу уловила монада, бывшая Треем, суть вопроса, прозвучавшего будто внутри неё самое. ...

– Ничего [мне больше] не нужно! – в упоении восхитительным состоянием отмахнулась ответной мыслью монада, догадавшись, что обращение было адресовано ей. ...

– Нет ... позвольте ... хочу знать ... **для чего это всё?** ... – чуть погодя, насилу подбирая слова, монада плеснула вовне ещё одну мысль, по какой-то случайности вспомнив, что произошло с ней мгновение или вечность назад в сцене со школьником.

– Хочешь знать? ... Тогда возвращайся назад в человека.

В тот же миг дух Трейи вылетел из Кристалла через его фронтальное остриё. Створки защитной мембраны, сдвинувшись по часовой стрелке, осенили его правосторонней Свастикой: руной пожелания удачи [на том] Свету.

Низринувшись тем же, но теперь наполненный чёрным светом тоннелем, дух Трейи влился сквозь воронку протоатома в застывшего мальчика, вернув жизнь в его тело распушившейся грибницей эфирного волокна.

Переведя взгляд с небосвода вперёд на дорогу, ученик продолжил на мгновение прерванный путь к своему школьному заведению.

На этом медитация Трейи закончилась. Проектор погас. Зажёгся свет в пустом кинозале.

На тропической вилле его окутывал всё тот же полуденный полумрак, не позволивший рассчитать, сколько длился завороживший сознание сеанс.

... ..

Прошло без малого две дюжины лет.

Мистик, разбуженный изменившей его мировосприятие медитаций, завершил построение религиозно-философской системы, начатое плеядой просветлённых предшественников.

Отыскав выход из круга Сансары, он посетил оберегаемую Кристаллом Нирваны Библиотеку Абсолюта, о нахождении которой прежде не ведал никто на Земле.

Открыв хранимую в ней за Семью Печатами КНИГУ, чей единственный лист светлый с одной стороны и тёмный с другой был «S»-образно свёрнут в свиток ИНЬ-ЯН, мистик получил от Ветхого Дня Библиотекаря устное обещание:

– Войдёшь в Дом Мой, где обретёшь новое тело, в котором будешь служить Мне.

... ..

Дождаясь, когда с него спадёт земное вретисе, чтобы его очищенный дух мог облачиться в обещанное одеяние, Андрей М. изложил свою медитацию в таборе древних скитальцев из Индии, живущих в предгорьях Памира.

С интересом он наблюдает, кто ещё из учеников Школы Земли запишется в Библиотеку, или, хотя бы, достигнет Нирваны...

Полуголые цыганята, купаясь в арыке день напролет, завидев его, звонко кричат:

– Андрейя - трей - Трейя!

Он привычно даёт им отмашку рукой и шлёт улыбку в ответ.